

Ежи КАВАЛЕРОВИЧ:

Это варварский, варварский мир

Известия - 2001 -
16 мая - с. 1, 8

На Каннском кинорынке плазменный экран безостановочно крутит кадры римского амфитеатра: гремят колесницы, режут львы, маршируют гладиаторы, орут трибуны. Под этот аккомпанемент мы беседуем с Ежи КАВАЛЕРОВИЧЕМ, который заканчивает работу над самым крупным проектом в истории польского кино — экранизацией романа Генрика Сенкевича «Quo vadis».

— Вы не опасаетесь, что тень «Гладиатора» Ридли Скотта неизбежно зависнет над вашей картиной?

— Нет, потому что оба фильма связывает только эпоха. Тема совершенно другая: переломный момент истории, когда восторжествовала христианская вера и принесла с собой гуманистические ценности, дала человеку человеческие права. Эта тема важна и сегодня: наш мир тоже можно считать варварским. Вспомните о Югославии, Ближнем Востоке, Африке — какой там гуманизм!

— Мы в России и вы в Польше тоже оказались в новом мире.

Он вам кажется более гуманистичным?

— В основе направление правильное. Но знаете... все грезят о новом мире, но никто не может сформулировать — каким он будет и каким бы мы хотели его видеть. Коммунизм, социализм, демократия — все эти слова мы толковали как хотели, наполняя несвойственным им содержанием. Мы не знаем, что такое демократия. Терминам еще предстоит вернуть их истинный смысл. Так что мы переживаем очень сложный период, когда все кажется относительным. Недавно сто километров были расстоянием —

теперь это ничто. Изменился ритм жизни. Изменился и человек: ему можно задавать вопросы, но нельзя предлагать ответы, потому что он им не верит.

— А как это сказалось в вашем фильме? Свойственный вам стиль повествования тоже изменился?

— Конечно. Мы не ставим никаких точек, только вопросы. Название идет от евангельского обращения Петра ко Христу, в Риме есть церковь Domine, quo vadis — вопрос обращен к Богу. У Сенкевича он обращен к человеку: куда идет мир? Этот вопрос сейчас актуален как никогда. Для меня источником воодушевления всегда был сам сюжет. Я пошел за Сенкевичем. Я посмотрел много экранизаций этого романа, но там все ограничивалось львами и гладиаторами.

(Окончание на 8-й стр.)

Ежи КАВАЛЕРОВИЧ:

Это варварский, варварский мир

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— В чем особенность вашей версии?

— Я стараюсь следовать размышлениям Сенкевича и при этом учитывать новый опыт, выработанный XX веком. Обычно в кино делали акцент на мелодраматической линии, мы же сосредоточились на главных героях — Петронии, Нероне и Хилоне. Петроний мудр, благороден, но и циничен, развратен, он эгоист, не верит ни в Бога, ни в человека. Он предсказал крах варварской империи, но альтернативы ей не видел. Не хотел быть беспомощным свидетелем гибели безумного императора и опять-таки поступил как эгоист — покончил с собой. Нерон — клоун и деспот, в минуты просветления даже талантлив. Лукав, самолюбив и завистлив. Правил на сломе эпох, когда зарождалось христианство, и не смог совладать с этой стихией ни как правитель, ни как художник. Умер той же смертью, какую готовил врагам, и до сих пор остается примером деспотической власти и варварской культуры, его судьба — предупреждение всем диктаторам будущего. Наконец, Хилон: философ и плут, фигура и жалкая, и трагическая. Вышел из

римского отребья и мстит себе путь, продавая и предавая, к подножию императорского трона. Но именно он, самый жалкий из персонажей, находит мужество обвинить цезаря в преступлении.

— Как это все соотносится с реальной историей?

— Сенкевич следует описаниям Тацита: гонитель христиан Нерон у него воплощение зла. На самом деле Нерон не Калигула, он был художественно одарен и многое сделал в области архитектуры. Петроний — воплощение изысканности, по словам Тацита, — arbiter elegantiarum. Эпикурец, друг Нерона, автор «Сатирикона». На свидетельствах историков основаны страницы, где описаны гонения на христиан: их обвинили в поджоге Рима — в пожаре уцелели только 4 из 14 районов города. Казнили в садах Нерона и в цирке, стоявшем на месте нынешнего Ватикана. У Тацита описаны разные способы казни: христиане бросали на съедение львам, распинали, делали из них живые факелы.

— И все это будет в фильме?

— Знаете, люди ходят в кино, чтобы увидеть то, чего они никогда не видели. Мне всегда было интересно реанимировать исчезнувшие миры и рассказывать

о тех, кто причастен к универсальным проблемам. «Quo vadis» дает для этого редкий материал: там герои — квинтэссенция человеческих характеров, а сам роман — переплетение тем любви, веры, власти и ответственности.

— У вас в картине много непрофессиональных актеров: фото-модель Магдалена Мелкаж в роли Лигии, экс-чемпион по дзюдо Рафаэль Кубацкий в роли Урса...

— Мне нужно было показать римлян, и я старался избегать явно славянской внешности. А чемпион по дзюдо — естественно, мы искали на роль силача Урса человека, способного победить быка.

— Какова роль компьютера в фильме?

— Я не очень люблю компьютер. Картину нужно делать руками — тогда она получается живая, теплая и мягкая. Конечно, когда нужно соорудить амфитеатр на 20 тысяч зрителей, здесь компьютер помогает.

— Это уже третья суперпродукция в польском кино — год назад Ежи Гофман и Анджея Вайды с их эпопеями по тому же Сенкевичу, теперь вы с 18-миллионным проектом. А ведь еще лет пять назад кино Польши было при смерти. Как такой рывок стал возможен?

— Надо было доказать финансистам, что на кино можно зарабатывать. И это удалось. В какой мере это стабильно, не знаю — у нас все развивается волнами. Думаю, еще несколько картин удастся запустить.

— Опыт картин Гофмана и Вайды разве не доказал, что деньги можно вернуть?

— Можно. Но именно на такой масштабной продукции, которая заранее вызывает интерес публики. У нас, как и у вас, кино было режиссерским. Теперь на первый план вышел продюсер: затраченные деньги должны вернуться. Но это не значит, что мы целиком перешли на коммерческое кино.

— Вы собираетесь на Московский фестиваль?

— Пришлют приглашение — приеду. Но без фильма. Его еще нет: я закончил монтаж и начинаю переозвучивание, предстоит запись музыки. Готов он будет только к сентябрю.

— Я счастлив вас видеть в такой замечательной форме.

— Будете в Москве, передавайте привет.

— Кому?

— Всем.

Валерий КИЧИН,
Канн, Франция